

М.Э. Байссвенгер**ИСТОРИК ПЕРЕПУТЬЯ: ТРИ ЖИЗНИ РОБЕРТА ВИППЕРА.**

РЕЦ. НА: “DIE DREI LEBEN EINES HISTORIKERS: ROBERT VIPPER (1859–1954) IN DER RUSSISCHEN, LETTISCHEN UND SOWJETISCHEN GESCHICHTSSCHREIBUNG” (ED. BY JAN KUSBER, ILGVARS MISĀNS, AND MAIKE SACH. BERLIN: PETER LANG, 2024)

***Аннотация.** Рецензируемый сборник статей представляет собой многоаспектное исследование жизни и творчества выдающегося российского историка Роберта Юрьевича Виппера (1859–1954). В центре внимания оказывается уникальная судьба «историка на перепутье», прошедшего через три разных политических и культурных контекста: имперскую и революционную Россию, эмиграцию в независимую Латвию и возвращение в СССР. Особое внимание авторы уделяют наименее изученному латвийскому периоду (1924–1941), когда Виппер активно публиковался на латышском языке и существенно повлиял на местную историографию, развивая метод сравнительной истории и исследуя проблемы аграрного развития и крепостничества в Прибалтике. Сборник скрупулезно анализирует эволюцию его научных интересов – от ранних работ по кальвинизму и Античности до философии истории и «нового идеализма» – и прослеживает вынужденные методологические трансформации, обусловленные сменой эпох и идеологических систем. В рецензии также проводятся содержательные параллели между судьбой Виппера и биографиями других ученых его поколения (таких, как Е.В. Тарле и Л.П. Карсавин), что позволяет глубже понять трагические и адаптивные траектории интеллектуалов в переломную эпоху. Несмотря на присущую коллективным трудам фрагментарность, данный сборник является важным шагом в комплексном осмыслении наследия Виппера и открывает новые перспективы для исследований в области истории науки и интеллектуальной биографии.*

***Ключевые слова:** Р.Ю. Виппер; всеобщая история; русская эмиграция; история Латвии; советская историография.*

Байссвенгер Мартин Эрвин – PhD, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук, НИУ ВШЭ. Россия, Москва.

E-mail: mbeisswenger@hse.ru

Scopus Author ID: 56062372300;

ORCID: 0000-0002-5582-9276

Beisswenger M. E.

Beisswenger M.E. A Historian at the Crossroads: The Three Lives of Robert Vipper. Review of: "Die drei Leben eines Historikers: Robert Vipper (1859–1954) in der russischen, lettischen und sowjetischen Geschichtsschreibung" (Ed. by Jan Kusber, Ilgvars Misāns, and Maike Sach. Berlin: Peter Lang, 2024)

Abstract. *The reviewed collection of articles presents a multifaceted study of the life and work of the outstanding Russian historian Robert Yuryevich Vipper (1859–1954). The focus is on his unique destiny as a "historian at a crossroads," who passed through three distinct political and cultural contexts: imperial and revolutionary Russia, emigration to independent Latvia, and return to the USSR. Particular attention is paid to the least-studied Latvian period (1924–1941), when Vipper actively published in Latvian and significantly influenced local historiography by developing the method of comparative history and exploring issues of agrarian development and serfdom in the Baltic region. The collection meticulously analyzes the evolution of his scholarly interests – from early works on Calvinism and Antiquity to the philosophy of history and "new idealism" – and traces the forced methodological transformations brought about by changing eras and ideological systems. The review also draws substantive parallels between Vipper's fate and the biographies of other scholars of his generation (such as E.V. Tarle and L.P. Karsavin), providing deeper insight into the tragic and adaptive trajectories of intellectuals in a turbulent era. Despite the inherent fragmentariness of collective works, this collection represents an important step toward a comprehensive understanding of Vipper's legacy and opens new perspectives for research in the history of science and intellectual biography.*

Keywords: *R.Iu. Vipper; world history; Russian emigration; history of Latvia; Soviet historiography.*

Beisswenger Martin Erwin – PhD, Associate Professor, School of History, Faculty of Humanities, HSE University. Russia, Moscow.

E-mail: mbeisswenger@hse.ru

Scopus Author ID: 56062372300;

ORCID: 0000-0002-5582-9276

В последние десятилетия жизнь и творчество целого ряда российских историков конца XIX – начала XX в. стали предметом монографических исследований [см., например: Вандалковская 1992; Каганович 2014; Бон 2005, и др.]. Судьбы этих ученых, многие из которых в советское время подвергались критике как «буржуазные», складывались по-разному. Одни из них, как П.Н. Милюков, сопротивлялись приходу большевиков к власти и покинули страну после Октября 1917 г. Другие, как А.А. Кизеветтер, были высла- ны советской властью за рубеж. Третьи, как Е.В. Тарле, старались приспособиться к жизни при новом режиме. В их биографиях отразились судьбы многих русских ученых.

Несколько удивительно, что классик всеобщей истории Роберт Юрьевич Виппер (1859-1954) пока не удостоился сравнимого биографического исследования. Его биография до сих пор была изложена в историографии лишь фрагментарно, в частности в книге Б.Г. Сафронова о жизни и творчестве Виппера в период до начала 1920-х годов [Сафронов 1976], а также в работе Д.М. Володихина о философских взглядах Виппера [Володихин 1997].

Виппер был не только одним из самых популярных авторов учебников по древней, средневековой и новой истории, но также из-под его пера вышли многочисленные исследования по истории Древнего Востока, возникновения христианства, европейской социально-политической мысли Нового времени, теории и философии истории. Разнообразие его научных интересов соответствовала неординарность его жизненного пути. Потомок обрусевших немцев, Виппер родился в Москве, окончил Московский университет и работал до революции профессором Новороссийского и Московского университетов. Затем он оказался в эмиграции в Риге, преподавал в Латвийском университете, а в годы Второй мировой войны переехал в СССР и позднее стал академиком АН СССР. Возможно, именно чрезвычайная многогранность жизни и творчества Виппера служила препятствием для комплексного исследования его биографии.

Рецензируемый сборник статей, изданный по итогам одноименной конференции, прошедшей в марте 2018 г. в Риге, в значительной мере заполняет данную лауну. Подобные сборники – сложный и не всегда удачный жанр научной публикации в силу неоднородности представленных тем и сюжетов. Однако именно такой формат позволил лучше отразить географическое и тематическое многообразие творческого пути Виппера. Из четырнадцати авторов статей пятеро – исследователи из России, четверо – из Латвии, еще пятеро – из Германии. Подобное международное научное сотрудничество, чрезвычайно важное для поддержания научных контактов особенно в нынешнее время, позволило глубоко исследовать транснациональную жизнь и творчество ученого. Из «трех жизней» Виппера – а именно жизни в дореволюционной и революционной России, в эмиграции и затем в Советском Союзе – наибольшее внимание уделено его деятельности в Латвии в период с 1924 по 1941 г., чему посвящено семь из двенадцати (не считая введения и заключения) статей. Именно этот период его жизни до сих пор оставался наименее известным в силу языкового барьера: большинство своих работ в это время Виппер публиковал на латышском языке. В то же время, рассматривая в хронологической последовательности меняющуюся проблематику исследований Виппера и географические вехи его творческого пути, сборник выявляет преемственность и разрывы между разными периодами его деятельности.

Открывает сборник краткий обзор биографии Виппера его редакторов Яна Кусбера, Илгварса Мисанса и Майке Сах («Историк и его время»), которые

подчеркивают влияние политических катаклизмов на жизнь и творчество историка. Особенно примечательным они считают его научный универсализм: он не только жил в трех странах (как многие русские эмигранты), но и внес существенный вклад в научную жизнь и историографию этих стран.

Первая статья сборника (Дмитрий Вебер, «Роберт Виппер и изучение кальвинизма») посвящена магистерской диссертации Виппера на тему «Церковь и государство в Женеве в XVI веке в эпоху кальвинизма», которую историк защитил в 1894 г. в Московском университете и за которую ему сразу была присуждена степень доктора наук. Рассматривая диссертацию Виппера в контексте современной ученому европейской и российской историографии кальвинизма, Вебер показывает, как Виппер предлагал взвешенный подход к оценке деятельности Кальвина, критикуя как сторонников, так и противников Кальвина из числа исследователей за их предвзятость и односторонность.

В статье «“Русский Эдуард Мейер”: Концептуальное единство Древней истории в работах Роберта Виппера» Наталья Алмазова анализирует вклад Виппера в изучение истории древнего мира и проводит параллели между научным творчеством Виппера и его современника – немецкого историка Античности Эдуарда Мейера (1855–1930). Согласно Алмазовой, их обоих отличала широта привлекаемого фактического материала; они оба писали о «единстве Древней истории», т. е. и о Древнем Востоке, и о греческой и римской Античности. Но в то время как Мейер подчеркивал роль личности в истории, Виппер в этот период настаивал на значении материальных факторов и роли социальных групп. Алмазова также отмечает видение Виппером сущности античного мира как «присутствия неиерархических общественных структур, которые были способны к многостороннему творчеству». Именно эта его концепция, по мнению Алмазовой, повлияла потом на развитие позднесоветского и постсоветского антиковедения.

Последующий центральный блок статей – о латвийском периоде жизни и творчества Виппера – включает обзорные статьи и более узкие по тематике публикации, что связано с некоторыми повторами.

Детлеф Хеннинг в статье «Роберт Виппер и латвийская историческая наука межвоенного периода» анализирует создание профессионального сообщества латвийских историков и значение Виппера для развития латвийской науки. Среди основных публикаций на латышском языке Хеннинг выделяет диспут Виппера с балтийско-немецкими историками по вопросу о возникновении крепостничества в Прибалтике. В то время как балтийские немцы видели в этом «естественную эволюцию» и «экономическую необходимость», Виппер на основе архивных источников утверждал, что закрепощение было следствием притязаний на власть со стороны конкретных лиц.

Статья Илгварса Мисанса «*Большие проблемы истории: Роберт Виппер как теоретик истории Латвии*» исследует содержательные и концептуальные

аспекты работ Виппера этого периода. Реагируя на современные события, Виппер, по мнению Мисанса, приветствовал возникновение новых государств после Первой мировой войны; он позитивно оценивал присутствие в них большого числа мелких собственников, в частности в сфере сельского хозяйства, и предвещал им великое будущее. Опираясь на данный пример, Виппер также опровергал популярные в то время культур-пессимистические взгляды немецкого философа Освальда Шпенглера, сформулированные в его «Закате Европы». В историографическом плане Виппер, изучая историю крестьянства и крепостничества в Латвии в контексте европейской социальной и экономической истории, выступал как решительный поборник сравнительной истории, чем отличался от своих латышских коллег. Эти представления нашли кульминацию в книге «Большие проблемы истории», опубликованной в 1940 г. незадолго до его отъезда в Москву.

Вальда Клава в главе «Четырехтомная *История нового времени* Роберта Виппера: ее концепция и отклики современников» знакомит читателя с этой, по определению автора, наиболее полной и объемной работой Виппера о данном периоде европейской истории. По мнению автора статьи, Виппер включил в свою *историю*, вышедшую по-латышски в 1930–1939 гг., примеры из истории Латвии, Восточной Европы и России, которых не было в его дореволюционных русскоязычных учебниках. Но в концептуальном плане он здесь придерживался своей прежней периодизации Нового времени, начало которого он относил не к эпохе Возрождения, а ко времени Английской революции XVII в., и в котором Французская революция выступала как продолжение эпохи абсолютизма. Автор статьи несколько раз проводит параллели с «Учебником новой истории» Виппера 1908 г., и судя по всему латышский многотомник своей концепцией повторяет дореволюционную работу Виппера. Впрочем, здесь было бы уместно более подробное сравнение, а также сопоставление с еще одним учебником Виппера по Новой истории, опубликованным им в Риге для русскоязычных школ в 1928 г., где приводится иная периодизация [Виппер 1928].

Статья Майке Сах «История латышского народа как составная часть европейской истории: рижские лекции Роберта Виппера о средневековой истории в Прибалтике» посвящена курсу лекций на эту тему, прочитанному Виппером в Латвийском университете в 1931–1932 и в 1935–1936 гг. Лекции, русскоязычный манускрипт которых хранится в библиотеке Латвийского университета, посвящены сравнительному взгляду на историю Латвии XII–XVIII вв. в европейском контексте. В этих лекциях Сах выделяет тезис Виппера, что Прибалтика до прибытия немецких крестоносцев была культурно и экономически связана с Востоком, представленным не только соседней Русью, но и арабскими торговцами. В этой связи Виппер проводил близкие параллели между завоеванием Лифляндии крестоносцами и крестовыми походами в Палестину. Анализируя последовавшее закрепощение латышских крестьян, Виппер возлагал

вину за это не на самих крестоносцев, а на их потомков, т. е. представителей формирующегося балтийско-немецкого дворянства, и проводил параллели с подобными процессами в других европейских странах. Изучение Виппером латвийской истории и его вклад в преподавание истории также рассмотрены в сборнике в главах за авторством Гвидо Страубе («Роберт Виппер как исследователь аграрной истории Латвии») и Светланы Богоявленской («Роберт Виппер и преподавание истории в школах русского меньшинства в Латвии в межвоенный период»).

Завершает этот блок статья Светланы Ковальчук «17 лет в Латвии: итоги научной деятельности Роберта и Бориса Випперов», ранее уже опубликованная ею в более расширенном виде на русском языке [Ковальчук 2019]. Автор на основе архивных документов восстанавливает обстоятельства приезда семьи Випперов в Латвию и их последующего переезда в Советский Союз. Ковальчук также приводит интересное свидетельство, что семья Випперов в годы эмиграции держалась в стороне от русской эмигрантской жизни и положительно относилась к СССР. Однако эти сведения извлечены из позднейших воспоминаний одного из рижских учеников искусствоведа Бориса Виппера, сына историка, и достоверность их не очевидна [Климов 1994, с. 30]. Представляется, что этот сложный вопрос требует более основательного изучения.

Виппер вернулся в СССР в мае 1941 г. О его деятельности после этого момента известно существенно меньше, чем о жизни и трудах в России до эмиграции. Тем более важной представляется статья Антонины Шаровой о первых годах жизни Виппера в СССР «“Присоединенный историк”: феномен Р. Ю. Виппера». Несмотря на немногочисленность архивных свидетельств, очевидно, что это был для Виппера сложный и опасный период, отмеченный попытками сохранить профессионализм ученого и не совершить при этом идеологических промахов. С одной стороны, как показывает Шарова, Виппер пользовался очевидной симпатией со стороны Сталина, что способствовало его карьере: уже осенью 1941 г., то есть вскоре после возвращения в СССР, он начал преподавать, в том числе в МГУ. Показательно, что даже его эмиграция в Латвию официально трактовалась как затянувшаяся командировка для работы в рижских архивах и библиотеках. С другой – Шарова демонстрирует те сложности, которые Виппер испытывал в усвоении марксистской риторики, в связи с чем коллеги специально подобрали ему «правильные» цитаты. Несмотря на протекцию со стороны Сталина, Виппер подвергался острой критике и должен был участвовать в советском ритуале самокритики. В частности, в центре нападок оказался его учебник «История средних веков» (1947), в котором автор, по мнению одного из рецензентов, продемонстрировал непонимание марксистского подхода к развитию феодализма, а также диалектики классовой борьбы в средневековом обществе. Для Виппера подобная критика не имела непосредственных трагических последствий, однако впоследствии

ему пришлось отказаться от организации регулярных неформальных академических встреч, которые являлись для московских коллег историка местом для недогматических дискуссий.

Последующая глава за авторством Дмитрия Володихина «Сравнение Ивана III, Ивана IV и Стефана Батория в монографии Виппера *“Иван Грозный”*» посвящена наиболее известному труду Виппера в области российской истории. Выходя за рамки заявленной темы, Володихин анализирует эту монографию как манифестацию випперовской философии истории, которую тот развивал на рубеже 1920-х годов и которую определял как «новый идеализм». Здесь у Виппера на первый план выходят события – вместо процессов и состояний, исторические личности – вместо массовых движений; ведущую роль историк теперь отводил идеям, а не материальным интересам. Володихин также проводит сравнение первого (1922) и третьего (1944) изданий книги, которая имела не только историческое, но и политическое значение: превознесение роли великих личностей в истории сопровождало создание культа личности Сталина.

Заключительная глава книги, написанная Александром Гордоном, «Роберт Виппер и Евгений Тарле: неоимперские модели в советской историографии» контекстуализирует жизнь и труды Виппера в рамках советской историографии и проводит множественные параллели с судьбой Евгения Тарле. Александр Гордон справедливо отмечает, что и Виппер, и Тарле, будучи специалистами по всеобщей истории, внесли вклад в понимание основополагающих вопросов истории России. Воспитанные в научной традиции Российской империи, они оба заняли видное место в советской исторической науке, сохранив при этом «свою внутреннюю духовность и научные убеждения». Не будучи марксистами, они со временем стали близки марксизму, и среди их учеников были видные советские историки-марксисты, хотя они оба подвергались острой критике в советской историографии. Объединяло их и сходство мировоззрения [см. также: Гордон 2025]. Пережив потрясения Первой мировой войны и революции, они впоследствии оценивали войну как объединяющий фактор общества и источник «творческой силы». Они также подчеркивали роль деспотических вождей в истории: Виппер – Ивана Грозного (особенно в последнем издании его биографии 1944 г.), Тарле – Наполеона, которые выступали как исторические прототипы Сталина в генезисе культа личности. Оба историка совершили характерный для советской историографии 1930–1940-х годов поворот в интерпретации русской истории от апофеоза классовой борьбы к подчеркиванию роли имперской и национальной государственности, хотя это и противоречило доминировавшей революционной традиции.

В заключительном слове к сборнику Николаус Катцер рисует образ Виппера как человека «пути-перепутья», в жизни которого переплелась «история имперская и всеобщая, национальная и транснациональная». Отмечая, что жизнь Виппера по-прежнему ставит больше вопросов, чем дает ответов,

Катцер утверждает, что путь к более глубокому пониманию его биографии лежит в изучении взаимосвязи между его личным опытом как современника событий и научной практикой историка в сравнении с другими современными ему учеными.

Действительно, не только творческий путь Виппера (или же Тарле) был путем-перепутьем. Лишь однажды упомянутый на страницах сборника Лев Карсавин также может служить ярким, хотя и более трагическим, примером подобного пути. Их с Робертом Виппером объединяло многое – и сфера научных интересов (всеобщая история и философия истории); и кафедра всеобщей истории в университете Каунаса, которую получил в 1927 г. Карсавин, но на которую претендовал и Виппер [Ласинскас 2016. с. 411–412]; и эмиграция – хотя Карсавин был выслан в 1922 г. советским правительством, тогда как Виппер уехал добровольно. Вот только итоги возвращения ученых в СССР оказались различны – Виппер вернулся с триумфом, в то время как Карсавин в качестве узника ГУЛАГА [Хоружий 2008]. Поразительные сходства и одновременно резкие различия с судьбой Виппера можно найти и у других российских историков этого времени.

Пути для дальнейших исследований жизни и творчества Виппера, возможно, укажет библиография на тридцати страницах, которой завершается сборник. Она содержит не только опубликованные работы самого Виппера (включая посмертные публикации, переиздания и переводы), но и рецензии на них, а также некрологи и исследовательскую литературу, которые раскрывают научные связи историка и его влияние в историографии. Некоторые лакуны в этой почти исчерпывающей библиографии можно найти лишь среди рецензий, в частности опубликованных в изданиях Русского зарубежья. Например, оказались не включены критические рецензии А. А. Кизеветтера на книгу Виппера «Иван Грозный» [Кизеветтер 1923] и Л. П. Карсавина на книгу «Судьба религии» [Карсавин 1922].

Конечно, данный сборник при всех его достоинствах не может быть окончательным словом в изучении жизни и творчества Роберта Виппера как «историка перепутья». Сам формат сборника с его хронологическо-тематическими блоками и статьями разных авторов, которые посвящены отдельным узким темам, предполагает некоторую фрагментарность. В результате, сборник хорошо отражает разнообразие тематики исследований историка и влияние исторического и географического контекста на его творчество. Но в то же время методологические и политические перепутья Виппера намечены лишь пунктиром. Например, его методологические зигзаги – от фокуса на социально-материальных условиях исторического процесса в период до Первой мировой войны, до его «нового идеализма» рубежа 1920-х годов и рижского периода жизни, и, наконец, до его возвращения обратно к неортодоксальному, но все же материализму после 1941 г. – хотя и обозначены фрагментарно в разных статьях сбор-

ника, но все же не анализируются систематически. То же самое касается и политических взглядов ученого до и во время революции, его отношения к СССР и к русской эмиграции во время пребывания за границей и других сюжетов. Взгляды Виппера, безусловно, трудно восстановить хотя бы потому, что его личный архив до 1941 г. не сохранился вовсе, а после этого представлен лишь отдельными документами. Можно только надеяться, что в будущем эти лакуны хотя бы отчасти удастся заполнить.

Тем не менее сборник существенно облегчает задачу будущему биографу Виппера и является значимым вкладом в изучение творчества историка. Он представляет собой удачную попытку осветить с разных перспектив жизнь и творчество Роберта Юрьевича Виппера, яркого и влиятельного историка, в контексте чрезвычайно противоречивой эпохи.

Библиография

Бон Т.М. Русская историческая наука (1880 г.–1905 г.). Павел Николаевич Милуков и Московская школа. СПб.: Олеариус Пресс, 2005. 272 с.

Вандалковская М.Г. П.Н. Милуков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М.: Наука, 1992. 285 с.

Виппер Р.Ю. Учебник истории. Часть III. Новое время. Рига: Вальтерс и Рапа, 1928. 473 с.

Володихин Д.М. «Очень старый академик». Оригинальная философия истории Р.Ю. Виппера. М.: УРАО, 1997. 99 с.

Гордон А.В. Образы власти в творчестве Е.В. Тарле // Новая и новейшая история. 2025. № 1. С. 162–175.

Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2014. 357 с.

Карсавин Л. Рец. на книгу: Р. Виппер. Судьба религии. Берлин-Петербург, 1921 // Новая русская книга. 1922. № 11–12. С. 18–20.

Кизеветтер А. Панегирист Ивана Грозного // Сегодня. 4 августа 1923, № 167. С. 2.

Климов Е.Е. Встречи в Петербурге, Риге, русском зарубежье. Из воспоминаний художника. Рига: Улей, 1994. 119 с.

Ковальчук С.Н. Московский профессор на кафедре Латвийского университета // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. №. 1. С. 235–255.

Ласинскас П. Русские историки-эмигранты в Литве // Балтийский архив. 2005. Т. 9. С. 409–447.

Сафронов Б.Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М. Изд-во Московского университета, 1976. 220 с.

Хоружий С.С. Русский философ в Литве: A Case Study // Русский мир. Альманах. 2008. Т. 1. С. 188–201.

References

Bon T.M. Russkaia istoricheskaja nauka (1880 g.–1905 g.). Pavel Nikolaevich Miliukov i Moskovskaia shkola [Russian historical science (1880–1905). Pavel Nikolaevich Miliukov and the Moscow School]. Saint-Petersburg: Olearius Press, 2005. 272 p. (In Russ.)

Gordon A.V. Obrazy vlasti v tvorchestve E.V. Tarle [Images of Power in the Works of E.V. Tarle]. *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and Contemporary History]. 2025. N 1. P. 162–175. (In Russ.)

Kaganovich B.S. Evgenii Viktorovich Tarle. Istorik i vremia [Evgenii Viktorovich Tarle. Historian and Time]. Saint-Petersburg: European University Press, 2014. 357 p. (In Russ.)

Karsavin L. Rets. na knigu: R. Vipper. Sud'ba religii. Berlin-Peterburg, 1921 [Rev. of: R. Vipper. The Fate of Religion. Berlin-Peterburg, 1921]. *Novaia russkaia kniga* [The New Russian Book]. 1922. N 11–12. P. 18–20. (In Russ.)

Khoruzhii S.S. Russkii filosof v Litve: A Case Study [A Russian Philosopher in Lithuania: A Case Study]. *Russkii mir. Al'manakh* [Russian World. Almanac]. 2008. Vyp. 1. P. 188–201. (In Russ.)

Kizevetter A. Panegirist Ivana Groznogo [A Panegyrist of Ivan the Terrible]. *Segodnia* [Today] 4 August 1923. N 167. P. 2. (In Russ.)

Klimov, E.E. Vstrechi v Peterburge, Rige, russkom zarubezh'e. Iz vospominanii khudozhnika. Riga: Ulci, 1994. 119 p. (In Russ.)

Koval'chuk, S.N. Moskovskii professor na kafedre Latviiskogo universiteta [A Muscovite professor on the faculty of the Latvian University] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia* [Herald of Saint-Petersburg University. History]. 2019. N 1. P. 235–255. (In Russ.)

Lasinskas P. Russkie istoriki-emigranty v Litve [Russian Émigré Historians in Lithuania]. *Baltiiskii arkhiv* [Baltic Archive]. 2005. T. 9. P. 409–447. (In Russ.)

Safronov B.G. Istoricheskoe mirovozzrenie R.Iu. Vippera i ego vremia [The Historical Worldview of R.Iu. Vipper and His Time]. Moscow: Moscow University Press, 1976. 220 p. (In Russ.)

Vandalkovskaia M.G. P.N. Miliukov, A.A. Kizevetter: Istoriia i politika [P.N. Miliukov, A.A. Kizevetter: History and Politics]. Moscow: Nauka, 1992. 285 p. (In Russ.)

Vipper R.Iu. Uchebnik istorii. Chast' III. Novoe Vremia [A Textbook of History. Part III. The Modern Era]. Riga: Valters un Rapa, 1928. 473 p. (In Russ.)

Volodikhin D.M. "Ochen' staryi akademik". Original'naia filosofiia istorii R.Iu. Vippera ["A Very Old Academician." R.Iu. Vipper's Original Philosophy of History]. Moscow: URAO, 1997. 99 p. (In Russ.)